

Дорогая Зоя! Письмо твое получил в очень трудное время: четвертого, рано утром, проснулся от стонов Сони. Еле довел до местной больницы. В восемь тридцать родилась девочка. Роды прошли благополучно, но через три дня температура подпрыгнула до сорока, и дело приняло совсем другой оборот. Пришлось срочно везти из Калининграда специалиста и, высунув язык, искать пенициллин. Специалист объяснил все рецидивом старых заболеваний, полученных в Германии. Сейчас ей немного лучше, но когда выпи-

шут и в каком состоянии — не знаю.

Больница отвратительная: несмотря на декабрь, не топят, и я опасаясь, как бы ее там не застудили.

Девчонка, говорят, здоровенькая, хотя мелковата. Очень кричит.

Сашенька все это время ведет себя героически. С утра сдаю его кому-нибудь из соседей. Он прекрасно себя у них чувствует. Рита приходит из школы и забирает его. У нее — последний, десятый, класс. Сашка на отсутствие матери реагирует вполне равнодушно.

Двенадцатого числа приехала бабушка — Мария Алексеевна. Сашка ведет себя с нею даже хуже: капризничает, а в эти дни простыл и приболел.

В квартире сплошной кавардак. От бабушки толку маловато. Я на работе занят от восьми утра до восьми вечера.

Очень рад, что тебе назначили пенсию: дело не только в материальном отношении, а в том, что твой многолетний труд хоть как-то оценен.

Девочку еще никак не назвали. Софья к этому безучастна.

Думаю назвать каким-либо чисто русским именем. Жаль, нельзя по этому поводу быстро проконсультироваться с тобой.

Поздравляю с наступающим Новым годом! Привет всем, кто нас знает. Целую.

ГОД 1951-й ПОЛЕССК

Зоя! Милая! Ты, как всегда, права: конечно, нужно быть осторожным в том, что и где говоришь. Жизнь меня уже научила. Но письма, думаю, уверен, сейчас уже не проверяет цензура, а потому, получив их и прочтя, сжигай. Именно сжигай!

Сейчас, поселившись в бывшей Восточной Пруссии и обозревая ее, все думаю: зачем же они, немцы, пошли против нас воевать? Ведь жили в тысячу раз лучше и культурнее, чем мы. Зачем? А все — политика, которая, на мой взгляд, является сволочной штукой — от кого бы ни исходила.

Все люди, к какой бы нации ни принадлежали, любят только самих себя, все желают быть счастливыми и полагают: чтобы быть таковыми, надо захватить власть над другими. Терпимости нет никакой, а терпимость — признак равновесия сил.

Чтобы захватить власть, сколачивают партии, которые, по-моему, все без исключения являются кастами. Нарушишь закон касты, покритикуешь — обязательно накажут. Так было у Гитлера, так у всех... Начальников партийных, конечно, обсуждают, но шепотком, в кулачок, с оглядкой. Так тоже у всех. Все партии зациклены на собственной идеологии: лозунги, лозунги, лозунги... И попробуй покритикуй эти лозунги! Навязывается фанатизм, слепой партийный патриотизм.

Патриотизм — хорошее чувство. Любовь к Отечеству — чувство более сильное, чем «слава, куп-

ленная кровью», но позитивно оно лишь при одном условии — если не замешено на ненависти к другим. А потому нет больших врагов, чем записные патриоты. Орут громче всех. Толку же от них — кукиш. Ненавижу...

Карьера партийная зависит от того, как партиец работает, но больше — от того, как клянется в верности партии. Свою личную точку зрения он никогда не выскажет. Везде — «мы». А на работу смотрит: как бы больше платили...

В целом партия не заинтересована в критике, хотя об этом кричат. Критика — движение. У нас же движения нет либо очень маленькое.

Зоя! Милая! Очень обеспокоен твоим здоровьем. Проклятая астма совсем тебя измучила. Я узнавал: она плохо поддается лечению. Был бы жив Аркадий, брат наш, что сгиб на войне, и жил бы, как прежде, в Киреевке, тебе было бы легче: рядом родная душа. Иногда кажется, что он еще найдется, но ведь была официальная бумага: «Пропап без вести...»

Риточка грызет гранит науки — десятый класс. Хочет, чтобы получше отметки были в аттестате зрелости. Собирается в медицинский. Ребята растут и помаленьку хулиганят. Софья выматывается с ними, но ее характер... Жизнь потихоньку течет и, если посмотреть на нее с точки зрения вечности, то увидишь: все, чем гордишься, чем занят, чему уделяешь свое внимание, — все тленно. Случается, дети дерутся из-за песочного пирожка, толкаются, но вдруг кто-то наступит, и нет ничего. Так и все наши временные заботы, привязанности. Набежит на них вечность, как морская волна, и — пусто.

Преподобный Серафим Саровский говорил, что если бы человек знал, что его ждет за гробом, то

готов был бы всю жизнь находиться в яме с червями, поедаящими его тело, лишь бы избежать вечной муки и войти в Царствие Небесное. То есть и за гробом нас ждут муки, и не надо стремиться умереть поскорее, надеясь, что там все будет прекрасно. Надо жить в этой жизни, как бы тяжело ни была.

Сердце наше, будучи греховно, не может не порождать греховных желаний. Только надо тщательно и с терпением выпальывать плевелы дурных помыслов. Надо знать: способности у людей разные. Не всякий может достичь высот духовных. А видеть свои грехи, укорять себя за них — зависит от каждого. Внутренне восставая на ближнего, восстаем на самого себя. А потому хорошо было бы вообще не гневаться. Во всяком случае, не считать себя правым, когда гневаешься. Но так, к сожалению, не получается.

Нужно чаще размышлять о том, что будет с нашей душой, когда умрем, и если начнем смотреть на все с точки зрения Страшного суда, то сможем терпеть скорби благодушно.

Ежели не любим своих ближних — дело в нас самих. Если сердце любящее — оно всех прощает. Не любим, гневаемся — значит, сердце пустое.

«Блаженны нищие духом...» Беда в том, что в глубине души считаем себя богатыми духовно. Хорошо, если еще признаем, что чего-то не хватает. Обычно дурак мнит себя Сократом.

А в общем — Господи! Дажь ми смирение и терпение, терпение, терпение...

* * *

...Рита уехала в Ленинград. Очень волнуемся, как справится в большом городе — это ведь в первый раз. Правда, поехала не одна, а с подружкой. Та будет поступать в политехнический: хо-

рошо математику знает. Риточка, как уже писал, хочет стать врачом.

* * *

...Недавно поехал — было два дня отдыха — в один рыболовецкий колхоз. Кажется, писал, что городок наш в трех километрах от залива. Вторую неделю стояла жара. Солнце начинало припекать уже с утра, а к трем часам ртутный столбик термометра на стене колхозной конторы показывал тридцать. Залив лежал гладкий, без единой морщинки. Густой камыш по берегам не шелестел, как всегда; разморенные жарой, лениво плескались в уличной пыли куры, а черепичные красные крыши поселка, казалось, еще сильнее накаляли неподвижный воздух.

Трое мальчишек-приятелей лежали на песке у самого причала и вели ленивый разговор. Я попросил разрешения подвинуться к ним и принять участие в беседе. Было ребятам лет по двенадцать-тринадцать. Старшего звали Ваня, второго Миша, младший — Саня. Ребята поведали интересную историю, которая могла для них закончиться трагически.

За неделю до нашего разговора они решили втроем — на веслах — выйти в залив и подойти к месту, которое называется Большие камни. Там, как говорили старшие, прекрасно ловится угорь. Старательно гребя, поплыли. Зеленым островком все дальше отходил поселок. Силенки у ребят были на исходе, когда показались Камни. Отплыв немного от них, ребята выбросили якорь, и лодка, сделав полукруг, стала неподвижно. Длинный, метров сто, шнур с крючками на подводках лежал на дне лодки. Ребята брали из ведра мелкую рыбешку и ловко насаживали на крючки. В это время далеко-далеко, где чуть виднелась кромка берега, глу-

хо зарокотало. Ребята увидели маленькое облачко на горизонте. Забросив перемет, продолжали ждать, когда угорь клюнет на живца. Когда же оглянулись в ту сторону, где был берег, грохнул оглушительный удар. Берега уже не было видно. Поднимаясь прямо из воды, клубясь, плыла черная тяжелая туча. Над самой лодкой с тревожным криком пронеслась к берегу стая чаек. За минуту до этого ласковая гладь залива покрылась морщинами, потемнела, нахмурилась. Поперек тучи змейкой вильнула молния, и снова тяжелый раскат грома прокатился над заливом.

Мальчишки бросили перемет и налегли на весла. Санька, младший, стал хныкать. Ребят, как на качелях, то подбрасывало вверх, то вместе с лодкой стремительно опускало вниз, казалось, на самое дно залива. Ливень кончился так же внезапно, как начался, но ветер не утихал, и нигде не было видно признаков земли. Сразу, без сумерек, пришла темнота. Теперь уже ничего не было видно кругом.

Море шумело. Им начало уже казаться, что их выбросило в океан: разыгралась фантазия. Ладони от тяжелых весел горели, а Санька потихоньку плакал и все вычерпывал воду из лодки. Начало светать, но все было окутано серым туманом. Буханка мокрого хлеба и копченый лецц были съедены, а что делать — они не знали. Снова опустилась ночь, причем звездная. И тогда Ванюшка, отыскав Полярную звезду, сообразил, где должен быть берег. На пределе оставшихся сил начали грести, а Большая Медведица все ниже и ниже опускала ручку своего ковша к горизонту. Небо побледнело. Одна за другой гасли звезды, а над водой подымался парок. Ванюшка смотрел в ту сторону, где вот-вот должно было показаться солнце. Огром-

ное и нежаркое, оно всплыло над кромкой воды, а когда поднялось выше, Миша вдруг вскочил на ноги и заорал: «Земля! Земля!»

Только часа через полтора им удалось добраться до берега, а там мальчишек встречали очень встревоженные родители и просто люди, которые узнали, что они пропали.

* * *

Зоя! Пишу в страшной запарке: меня опять перевели. Буду служить и жить на новом месте. Слава богу, недалеко. Городок называется Гурьевск, или по-немецки Нойхаузен. Он дальше от моря и менее живописен, чем Полесск. Но в качестве квартиры дали отдельный двухэтажный домик — кирпичный, конечно, как все дома у немцев. Он абсолютно пуст — одни стены. Немецкое имущество разграблено теми, кто пришел сюда первым. Как рассказывали наши старожилы, грабили все, до последней нитки. Ну да это и понятно...

Маргарита прислала письмо: поступила. Будет постигать врачебное дело. Общежитие дали. На шесть лет станет ленинградкой. Сейчас у нее есть — до первого сентября — несколько дней для осмотра города, который ей очень нравится. Пиши. Беспокоюсь.

ГОД 1952-й

...Опять с ответом задержался: работы много, а теперь, после пятнадцатого, — временная передышка. Как устал я, сестра, от этой нервозности, от бесконечных приказаний, как хочу на гражданку и в то же время боюсь. Боюсь, что буду делать, где найду работу — диплома ведь нет, хотя вроде грамотен и мог бы преподавать ребятам русский и литературу.

Завтра встречаю Маргариту. Интересно, как подействовал на нее Ленинград и студенческий

коллектив. Судя по письмам — благотворно.

На днях запоем прочитал «Северное сияние» Марич. Давно не читал такой прекрасной книги. Если есть в Киреевке в библиотеке, обязательно прочти.

Вот уже прошло ползимы, а холодов еще не было. Мне это на руку: дров и угля мало. Правда, вчера раздобыл немного топлива. Хватит теперь до весны.

Наташка моя растет и хорошеет. Просто умора смотреть, когда топочет своими ножками. Рожица курносая и препотешная: настоящая баба рязанская или матрешка. В кого такая? У Сони нос тонкий и с горбинкой, я тоже вроде не курносый. Жаль, нет фотоаппарата, чтобы сфотографировать и прислать тебе карточку нового отпрыска Случевских.

А с Сашустым худо. Отсутствие всякого аппетита, нервозность. Виновата Софья: прошу, чтобы свозила в Калининград к специалисту (автобус до города ходит каждый час), а она: «Так пройдет...» А «так» не проходит. Я занят от восьми до восьми.

Посылаю две небольшие работы, напечатанные в «Калининградской правде». Это свидетельство того, что не напрасно просидел у тебя десять дней отпуска.

Привет всем твоим друзьям, кто меня знает и помнит.

* * *

...Часто думаю: отчего люди пьют? Причин крупных и некрупных нахожу массу, а главное — от лени. Чтобы выйти из нее, растряссти душу, человек и напивается. От скуки же и лени нужны сильные ощущения. Говорят, пьют еще от безысходности. Думаю, когда безысходно, нужно не напиваться, а сказать себе: отпусти судьбу.

Многие пытались ответить на вопрос, нужна ли религия. Мне думается, ее не может не быть,

как не может не быть, например, математики. Жизнь непременно приводит к тому, что среди множества явлений начинаем различать присутствие сверхценности. И тут встает вопрос: как к ней относиться? Если отрицать — придем к цинизму. Если возводить в культ — получится идолопоклонство. Наверно, надо смотреть как на данность. А если Бога нет, все дозволено...

* * *

...Есть простое правило: что бы ни делал, надо всегда помнить о той боли, которую можешь принести другим. В Евангелии от Матфея сказано: «И так во всем: как хотите, чтобы с вами поступали, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки...»

Часто ругаем людей: бессознательные, недобросовестные, ленивые, злобные, каверзные. Все так. Но если поглубже разобраться, то на ум придет дедушка Крылов, который говорил:

Так выбраться желая из хлопот,
Нередко человек имеет участь
ту же:

Одни лишь только с рук сживет,
Глядишь — другие нажил хуже.

И предлагал:

Завистники, на что ни взглянут,
Подымут вечно лай;
А ты себе своей дорогою

ступай;

Полают да отстанут.

Помнишь евангельский образ толпы, которая сперва кричала: «Осанна!», а через несколько дней: «Распни его...»?

* * *

Зоя! Дорогая! Давно не писал и даже забыл, ответил ли на последнее письмо.

Эта зима оказалась очень тяжелой: заболела Наташенька

двухсторонним воспалением легких. В больницу местным клали только одну. Но куда такую кроху! Нанял фельдшерицу: целую неделю делала уколы. Искололи всю. Сейчас — уже два дня — девчурка встала на ножки, но очень похудела и скверный аппетит.

А тут еще — nelaды с начальством: так надоело с умным видом выслушивать любую глупость, любое бессмысленное приказание. Не было бы маленьких, добился бы, чтобы демобилизовали — ведь уже сорок один год! — и ушел бы работать лесником, писал бы рассказы о лисицах и зайцах.

Зима нынче для Прибалтики суровая: дров и угля уходит уйма.

Из Спаса пишут, что Саша гостит хорошо, а три дня назад прислали посылку: гуся и сало. Просто стыдно!.. Сейчас у нас с питанием вполне прилично, и зачем же эти лишние траты!

А сегодня пришла посылка и от Маргариты. Соня послала ей деньги на приобретение нового платья, она же истратила их на покупку вермишели, риса и прочего. Вот ведь какая девица...

Уходит еще один год, и мы, как всегда, возлагаем надежды на новый. Что принесет? Пожить бы спокойно, а главное — мирно.

Желаю встретить праздник в кругу друзей. Обнимаю.

ГОД 1953-й

Дорогая Зоя! Чувствую себя очень виноватым за столь долгое молчание: было угнетенное настроение.

Двадцать шестого утром приехала Маргарита. Дела у нее идут хорошо. Получила всего лишь одну четверку, остальные — пятерки. Если бы не эта злополучная четверка, вытянула бы на повышенную стипендию. Но молодец и за это. Внешне мало изменилась: такая же

скромная и несколько унылая. Вот и тебе за это время письма не написала. Татошка от ее приезда в восторге.

С питанием стало лучше. Масло, макароны привезла Маргарита, мясо есть, а три дня назад Софья достала, то есть купила, пятнадцать килограммов муки. В этом году и с топливом гораздо свободней.

Отпуск мой предполагается в очень неудачное время — с пятнадцатого апреля. Это значит, что никуда не выедем и пройдет он кувырком.

Зима — в смысле работы — была тяжелой: занятия каждый день по восемь часов. К концу дня язык «забалтывается». Уезжаю — темно, приезжаю — темно. Смог написать только небольшую рецензию в областную газету, а статья, что послал в Москву, все еще согласовывается в каких-то высоких инстанциях, хотя корректуру для прочтения присылали. За месяц прочел всего лишь «Степана Разина» Злобина. Думается, это лучшая историческая книга за последнее время.

Из Спаса письма приходят редко. Пишут, что Сашустый — молодец, стал понемногу читать, хотя Нюра, сестра Софьи, специально его не учит. Наташка — Татошка — настоящая трехлетняя разбойница. Уже «с выражением» выучила стишок:

Я сказала кошке Мурке: поиграй со мною в жмурки.

Слушай, Мурка, раз, два, три: только, чур, ты не смотри,

Но подглядывает Мурка.

Разве так играют в жмурки?

Весь дом подымает вверх дном. Наказывать — рука не подымается...

Весну ожидаю, как маленький: каждый день подсчитываю, насколько прибавился день. Не люблю зимней мертвой природы.

* * *

...Опять должен извиниться за молчание. В этом году что-то не везет: уже дважды переболел сам, а теперь болеет Наташенька: у нее, видно, очень слабые легкие.

Неделю назад нагрнула московская инспекция, но для меня все закончилось хорошо, то есть мои труды были оценены на «хорошо». Более высокой оценки не удостоился из-за местных дураков, хотя именно им и вправляли мозги. А кругом — такая закорякостенная, непробиваемая бюрократия!.. Сплав дурной нравственности с мыслительной слабостью и глупостью.

Теперь о главном — смерти верховного. Не стоял я, Зоя, в почетном карауле. Не стоял. Сумел увильнуть. И это абсолютно сознательно. Еще в тридцать восьмом, когда попал в тюрьму, понял, что в стране творится страшное зло. Зло это многолико и подчас трудноузнаваемо. В отвлеченном виде оно олицетворяется с духом тьмы. У нас один другому делает во зло, в досаду, в противность, в обиду. У нас зло злом губится. К сожалению, мир вообще лежит во зле и злоречат многие, но наше зло приобретает непостижимые объемы.

Скажешь, посадила тогда меня конкретная подлюка — Нагайцева. Да, это так. Но у нас верят этим подлецам, поощряют их. А от кого все шло? Не верю, что со смертью прекратится: слишком изъедено злом государство.

Зоя! Сжигай, сжигай, как прочитаешь, мои письма. Не храни.

Могут сказать: я не патриот. Нет, Зоя. Я люблю Родину, но не хочу, чтобы она лежала во зле. А кричать о патриотизме не могу. Еще много лет назад Салтыков-Щедрин сказал: «Если человек говорит о патриотизме — значит, проворовался».

* * *

...Когда у меня неприятности — писать избегаю: врать не могу, а огорчать не хочу. Сашу в конце марта привезли из Спаса, а через неделю он споткнулся о камень, упал и сломал руку. До сих пор парень в гипсе, но бегают и чувствует себя хорошо. Жизнь просто несурьезная: в начале апреля случилось это, а сегодня выиграла четыреста рублей по займу и получил уведомление, что мне установлена военная пенсия в девятьсот сорок пять рублей.

Зоя, снял я погоны. Это произошло тридцатого марта. До этого проходил комиссию. Из-за пульсирующего около сердца осколка и возраста — сорок два года — дали третью группу инвалидности. Теперь у меня есть хоть и небольшие, но стабильные деньги, не зависящие ни от кого и ни от чего. Это счастье! Надо устраиваться на работу. Конечно, будет трудно без гражданского диплома, но зачетка сохранилась, а там — хорошие и отличные оценки за все пять курсов пединститута. Смогу уделять больше внимания литературной работе — лишь бы жизнь не подсушила какой-нибудь гадости.

Единственная мечта — увидеть тебя летом у нас. Приложи все усилия. В средствах не стесняйся: кое-что в запасе есть. Только действуй решительно. В твоём распоряжении будут совершенно отдельная комнатка наверху, сад, лес и ребяташки. Деревья еще не зацвели, но к тому времени, как соберешься, все будет в цвету.

Маргарита прислала письмо: очередной экзамен сдан на пять.

* * *

Дорогая Зоя! Сегодняшнее твоё письмо очень огорчило. Давать советы на расстоянии — дело пустое, но все же: очень прошу сходиться к врачам, хотя сам терпеть не могу лечиться.

К работе еще не приступил, а потому бездельничал, а потому бездельничал и пишу. Несколько раз ездил рыбачить с товарищем под Полесск, но, откровенно говоря, больше пропили, чем наловили. Идет морской окунь.

Позавчера областное радио передавало мой новый рассказ. Платят больше, чем газета, но моральное удовлетворение получаю, когда вижу свою вещь напечатанной. Вот сегодня кончил еще одну повесть, и, как всегда, кажется слабоватой. Надо, чтобы отлежалась.

Сад пострадал от морозов. Яблок не будет. Кур семь штук. Петух — соседский. Ребята — сущие сорванцы, особенно Наташка: никакого сладу с ней нет.

Маргарита обещает приехать в конце июня. Экзамены сдает хорошо.

Осаждают пишущие и пробующие писать. Но какой я им судья? Книжки-то у меня так и нет.

Зоя! Милая! Очень прошу: побывай у врачей. Страшно беспокоюсь.

* * *

...Умер, сдох монстр! Человечек, в котором было нечто дьявольское. В народе ходят разговоры, что и сухорук был потому, что дьявол.

Вот только думаю, почему же люди за ним шли, превозносили? Почему он, вовсе никакой не гений, а именно дьявол, сделался символом партии, и народ — низы, рабочие, крестьяне, интеллигенция — верил ему? Почему? Неужели все так глупы, или это какой-то гипноз, когда все кричат «Осанна!» человеку, который ненавидел, презирал людей. Это так. Иначе бы не гноилось столько в тюрьмах и лагерях, не было бы столько «врагов народа».

Сжигай, сжигай, Зоя, мои письма, но я не могу, не могу не высказать это хотя бы тебе. Дома нем, на людях — тем более.

Сестрица! Дорогая! Что принесет Новый, 1954-й? Прошедший был сумбурным и тяжелым.

Как ни странно, но морально чувствую себя уверенней, чем в погонах. Свидетельство тому — новая большая рецензия в областной газете, которую и посылаю.

В школе дел по горло: веду пятые и восьмые классы. Младшие — сорванцы. Имею тридцать недельных часов при норме восемнадцать. Тетради бесконечные.

Материально трудностей пока не испытываю, а с этого года буду получать еще надбавку к пенсии за воинское звание. Тяжба пенсионная не закончена: вчера позвонила в школу депутат Верховного Совета по нашему округу и сообщила, что моя жалоба направлена на рассмотрение Ворошилову. Что из этого выйдет — посмотрим.

Сашенька хорошо успевает: очень горд, что теперь школьник. Маргарита пишет редко. Слава богу, подходит уже к четвертому курсу: хочется, чтобы скорее кончила.

С наступающим Новым годом, дорогая! Обнимаем.

ГОД 1954-й

...Только сейчас получил поздравительное письмо с днем рождения. Спасибо. Мои домашние не всегда о нем вспоминают.

Дела с пенсией пока без перемен, и получаю по-старому, а вот с работой — хуже: расскандалился с районным начальством — все на почве «культы», — и пошли досаждают. Воспользовавшись тем, что нет диплома об окончании пединститута, отняли литературу в старших классах и предложили заменить эти часы преподаванием военного дела. Как ни унижительно, согласился, так как деньги очень нужны.

Возмущает подлость и низость «сильных мира сего», которые на словах — за новое, а в душе остаются такими же негодьями, как и раньше. Написал по этому поводу в «Литературку» — с основательной поддержкой литобъединения. Пока молчание: видимо, тема щепетильная.

Теккерей говорил, что на ярмарке тщеславия людям дадут ту цену, которую они определили себе сами, и только дурак ставит себе высокую. Умный всегда сомневается. Поэтому получается, что разумные остаются в тени, а на поверхность выскакивают авантюристы, искатели легкой наживы.

Многознание уму не научает. Ум — способность мыслить, умение мыслить. Нужно обращать острый ум на самые незначительные и простые вещи и долго останавливаться на них, пока не привыкнешь отчетливо и ясно прозревать в них истину. Ум всегда в дураках у сердца. И так же, как молчал Господь перед синедрионом, не произнося никакого оправдания, надо молчать, если судят тебя дураки, полные злонамеренности.

То, что написал за это время, московские журналы принципиально одобрили, но удастся ли напечатать? Исаковский, с которым до войны были в одном литобъединении в Смоленске, посоветовал связаться с тамошним книжным издательством, и сегодня посылаю туда солидный пакет. Иной раз бесконечная возня с проталкиванием того, что, верю, прочитал бы читатель, просто угнетает. Но... Такова жизнь.

Ребята здоровы, Саша учится прилично. Девушка уехала в Ленинград. Они с Софьей все каникулы «строили» тебе платье, но «недостроили». Когда теперь Софья закончит, чтобы выслать, не знаю.

Осень стоит теплая и тихая. Покойная. Картошки и прочей снеди

накопили много, угля есть около тонны, а там что-нибудь скомбинирую, так что вопрос с подготовкой к зиме не очень мучает.

Право же, Зоя, ты напрасно так близко принимаешь к сердцу судьбу опекаемой тобой Наты. Вспомни нашу юность! Разве всех этих «несчастных» можно сравнить с нами, жившими жизнью изгоев только потому, что отец был священником? Мы все желаем видеть своих детей с университетскими поплавками, но ведь не все способны. А кто вкальвать будет? Кто будет добытчиком?

Ты — добрая душа. Во всех видишь только хорошее, не замечая недостатков. Не хочу перевоспитывать, но, повторяю, не принимай близко к сердцу выдуманных страданий.

Начинай хлопоты по пересмотру пенсии и проси, проси поменять жилье. Все твои болезни — от дикой сырости и холода зимой. Твое жилье непригодно для жизни. Подумай хоть раз о себе. Продолжать тянуть лямку в конторе не советую. Тебе немало лет, и ты заслужила отдых. Пиши. Обнимаю.

* * *

Дорогая Зоя! Поздравляю с наступающим праздником. Эти недели здорово заработался, да еще дома сделали основательный ремонт: переложили все три печи, побелили комнаты, вычистили подвал. Завез угля. Было сложно, если учесть, что приходится работать в школе в две смены.

За это же время сумел напечатать три рецензии в газете. Одну из них — театральную — посылаю.

Ребята здоровы, целый день на улице, домой не загонишь.

В последнее время в Калининграде и Гурьевске стал появляться сахар, а потому собираемся сварить варенье. Яблок нынче много, и они падают, пропада-

ют, а послать тебе — на почте ящиков нет.

Ноябрьские отмечу скромно: скорей всего, никуда не пойду. Софья сама знаешь какой «ходок».

В школе много работы, а еще больше — суеты.

Маргарита пишет редко. Зажатая она какая-то. Нет в ней радости молодости. Объясняя войной. Ее становление пришлось на страшные годы, когда главным было затаиться. Вот она и затаивается до сих пор. Когда росла, когда шел поворот от биологического к социальному, было тяжкое время. Плюс сознание того, что о матери своей должна молчать, не говорить, не распространяться, что та была в плену. А какая вина Софьи, что правители начали распроклятую бойню и были уничтожены миллионы жизней?

Конечно, человек развивается на основе биологической индивидуальности, которая является природной данностью, но процесс становления обусловлен общественно.

Зоя, пиши! Не молчи. Очень беспокоюсь, когда от тебя долго ничего нет.

* * *

...Поздравляю с наступающим Новым годом, хотя у всех, конечно, беспокойно на душе от дел, что творятся в мире. Хочется верить, что правители одумаются и не заставят людей снова переживать ужасы, которые еще в памяти.

Живем вполне прилично. В магазинах есть все, начиная от белой муки и кончая сахаром. Очередей никаких.

В этом году удивительно рано для Прибалтики установились морозы: привыкли видеть снег только в январе.

Саша хорошо учится, но и он, и Наташка очень невоспитанны. Сказывается, что в вопро-

сах воспитания идем с Софьей вразнобой.

Маргарита по обыкновению ничего не пишет: видно, эту спас-деменскую закваску так и не удастся переломить. Поздно уже.

Сейчас что-то мало читаю, а в журналах много интересного. В «Новом мире» появилась повесть Кабо «В трудном походе». Советую прочесть.

Не соберешься ли к нам? Хотя понимаю, что, на зиму глядя, трудно это сделать.

Ребята и Софья шлют привет.

ГОД 1955-й

...Вчера было воскресенье. Ездили с Сашей в Калининград на могилу Канта — величайшего мирового философа. Она — при соборе, а собор совсем разбит. Руины. Но величественные. Рассказал кое-что Сашуку про философию и философа. Конечно, применимо к возрасту. А тебе скажу, что Кант первым сформулировал теорию познания, сделал ее основным предметом философии. Чтение «Критики чистого разума» требует, конечно, значительной подготовки, но у Канта есть небольшие статьи, которые написаны остроумно и могут быть интересны любому грамотному человеку. Я как-то денек провел за их чтением в областной библиотеке.

Всю жизнь Кант прожил в одном городе — Кенигсберге. Около него при жизни вилась те, кто желал о нем писать: рано стал знаменитостью. И в абсолютистской Пруссии был единственным мыслителем, который обосновал доктрину либерализма, защищал систему гражданских свобод и прав.

Кант был загадочной личностью, гордился, что родился в Кенигсберге. Рано потеряв отца и мать, был беден и из-за бедности не женился.

Поступай так, говорил Кант, чтобы относиться к человеку — в своем лице и в лице другого — как к цели. И никогда не относись к нему, то есть к человеку, как к средству. В этом громадное его отличие от нашего «великого», который считал людей «винтиками». Кант видел в человеке главное — цель.

* * *

...Ты как-то коснулась в одном из писем религии, религиозности людей. Думаю, не обязательно не престанно класть поклоны, ездить на богомолье, бежать в церковь. Господа надо иметь в душе.

Христос пришел на землю не царем. Он не принес каких-то новых технологий. Он пришел в образе смиренного и телесно слабого человека, но пострадал за нас и умер. Однако именно он открыл нам истину о том, как следует жить.

* * *

...Часто думаю, существуют ли люди, лишённые желаний? Наверно, нет. Два желания свойственны всем: желание счастья и желание власти, чтобы доставить себе это счастье. А счастье людей заключается в том, чтобы любить делать то, что они должны делать. Но общество почему-то не основывается на этом принципе.

Счастье и несчастье человека в такой же степени зависят от нрава, как и от судьбы. По своей природе человек лукав, игрив и часто скатывается к компромиссам. Люди недалекие обычно осуждают все, что выходит за пределы их понимания. Они вообще больше глупы, чем злы. А неизменное благополучие очень портит сердца. Главное — труд. Любый. Именно он помогает забывать о нравственных страданиях.

Потому бедняки часто счастливей богатым.

Богатство, как и славу, доставляет власть, и люди часто стремятся к славе, а она приобретается либо оружием, либо красноречием. Известно, с каким уважением относились к красноречию в Древнем Риме и Греции. *Magna vis et magnum nomen*, говорил по этому поводу Цицерон — *sunt unum et idem*, что в переводе — «большое могущество и большое имя — одно и то же».

* * *

...Вот уже целых три недели Наташка не дает покоя: когда же вылупятся цыплята? Какие они будут? Что будут кушать?

Наконец пятнадцать желтеньких пушистых и крикливых шариков появились на свет. У Наташки оказалась куча хлопот: цыплят надо кормить, их следует оберегать от ворон и ястребов, и хотя мамашей у них пожилая и строгая курица, Наташке кажется, что ей, курице, нипочем не справиться с таким большим и беспокойным семейством. Курица же, только для блезирю клюнув одно зернышко, нежно клохчет, приглашая малышей есть. Своими коротенькими крепкими носиками они дробно стучат по жести, суетятся, ссорятся, мешая друг другу.

И вдруг эту трапезу нарушил воробей, который, задорно чирикавая, скакал по жердочке, а потом сорвался и камнем упал в самую гущу цыплят. С испуганным писком малыши бросились врассыпную, а воробей быстро-быстро стал подбирать зерна. Хохлатка с сердитым клохтанием бросилась к нему, но он ловко увернулся.

Воробей стал прилетать каждый день. Мы его точно отличали от других. Этот старый плут отважно

бросался в самую гущу цыплят и, ловко увертываясь от хохлатки, лакомился пшеном.

Кончилось лето. Цыплята превратились в молодых красивых кур. Наташка перестала ими интересоваться. И вдруг однажды, когда сидел и писал, услышал, что кто-то стучит в окно. Поднял голову: стучал тот же плутишка-воробышек.

ГОД 1956-й

Зоя! Дорогая! Снова прости за долгое молчание. Это время сочинял сразу четыре статьи, а потом приезд Маргариты. Она произвела хорошее впечатление, но каникулы провела опять же в четырех стенах: как-то не интересуют ее всякие развлечения, которые могут занимать девушку двадцати трех лет. Как сложится ее жизнь? Очень тревожит.

Зима нынче совсем сошла с ума: в Прибалтике, бывшей Восточной Пруссии, морозы стоят под тридцать. Вот сегодня ездил за пенсией и продрог так, что и сейчас, к ночи, отогреться не могу. В квартире не холодно, но и не жарко: где-то градусов семнадцать. Мучаемся с курами: пришлось взять их домой и поместить наверху.

Несколько дней назад звонили из областного радио и сказали, что по одному из моих рассказов задумали сделать инсценировку. Я доволен. Ожидая в ближайшее время две свои статьи в «Калининградке».

Ребята здоровы и из-за морозов безобразничают в комнатах.

Жду не дождусь весны. Недавно, сидя у теплой печки, вспоминали, как летом ездили в Зеленоградск (бывший Кранц), любовались и купались в море.

Продолжение следует.

г. Москва